

АЛЕКСАНДРА БОЛТУХИНА
ДИМ ДИМЫЧ КОЛЕСНИКОВ

СПЕКУЛЯНТ

❖ КНИГА ВТОРАЯ ❖

Проект Восхождение

ДимДимыч Колесников

**Проект Восхождение.
Спекулянт. Книга вторая.**

«Автор»

2026

Колесников Д.

Проект Восхождение. Спекулянт. Книга вторая. /
Д. Колесников — «Автор», 2026 — (Проект Восхождение)

Костя Савушкин, археолог из нашего времени, просыпается в чужом теле, в другой ветке реальности, в Архангельске 1899 года. В этом мире магия такая же реальность как наука и религия. Он начинает очень долгое и захватывающее путешествие по Пути Восхождения... Он Клементий Морошкин, начал познавать силу нового мира. И он уже прошёл первую ступень восхождения - ступень Безумца. Теперь пришло время сделать следующий шаг и стать Спекулянтом - тем, кто не управляет судьбой, а видит её контуры, узлы, и умеет на них влиять, вкладывая свой «капитал» (волю, магическую энергию, ресурсы) в наиболее вероятный исход. Его дар - спекулировать не деньгами, а возможностями, вероятностями и событиями. Его цель - пройти очередную ступень на Пути Восхождения.

© Колесников Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ДимДимыч Колесников, Александра Болтухина Проект Восхождение. Спекулянт. Книга вторая.

Глава 1

Три часа до отправления следующего ночного скорого поезда тянулись как смола. Клементий не смел возвращаться домой. Не смел идти к Звягинцеву. Он скрывался в «мёртвой зоне» - подсобке угольщиков на задворках вокзала, куда его провёл за взятку в пятак старый сторож. Здесь пахло углём, мышами и вечной сыростью. Здесь не было снов, которые могла бы подслушать Полуночица, и почти не было астральных следов.

Он сидел на ящике, при свете щелевидного окна, и готовился. Перед ним на развернутой тряпице лежали компоненты: Сердцевина узла, маленький стеклянный пузырёк для крови, перочинный нож. Он вынул из кармана мешочек с пылью этого места, которую собрал, проведя ладонью по старой, облупившейся штукатурке стены.

Самый сложный этап - истолочь Сердцевину. Он взял её в ладонь. Артефакт был твёрдым, как алмаз, но Голенищев сказал: «Не физической силой. Намерением. Представь, что ты не дробишь камень, а разделяешь единый узор на составляющие нити. Развязываешь узел, чтобы завязать его снова внутри себя».

Клементий закрыл глаза. Он снова почувствовал связь с якорем в котловане - тупую, отдалённую тяжесть. Он почувствовал золотистые нити самой Сердцевины, их сложное, гармоничное плетение. И мысленно, с предельной осторожностью, он начал разделять. Не ломать. Анализировать. Он представлял, как каждая нить отделяется, сохраняя свою природу, но освобождаясь от общего узла. Это было мучительно тонкой работой, похожей на распутывание клубка света.

Под его пальцами Сердцевина не треснула. Она начала светиться изнутри, а затем медленно, как кусок сахара в воде, растворилась в сияющую, золотистую пыль. Не физическую, а астральную. Она лежала на тряпице сгустком внутреннего света, видимым только ему.

Физического порошка не было. Но рецепт требовал смешать её с кровью и пылью места. Он понял: нужно будет проецировать эту астральную пыль в физическую смесь в момент проглатывания.

Он сделал надрез на пальце ножом. Боль была острой и ясной. Три капли крови упали в пузырёк. Прошлое, настоящее, будущее. Он был всем этим одновременно. Кровь, капнув, казалась слишком яркой, почти живой в тусклом свете.

Затем он смешал кровь с горстью серой вокзальной пыли в жестяной крышке. Получилась грязная, комковатая паста. Ритуальная глина, в которую предстояло впечатать астральный отпечаток.

Готово. Оставалось ждать.

За час до отправления его нашла Полуночица. Она проскользнула внутрь, как тень.

- Периметр чист. Ни «Совет», ни Груздев не ищут тебя здесь. Они всё ещё делят шкуру неубитого медведя у котлована. Алмазов исчез - вероятно, докладывает патрону. Но будь готов. Когда ты совершишь переход, всплеск будет... значительным. Все, у кого есть хоть капля чувствительности в радиусе версты, его почувствуют. Твой новый «маяк» зажжётся ярко.

- Значит, сразу после ритуала - бегство, - сказал Клементий. Он уже обдумал это.

- Не бегство. Переход. В другое состояние. Ты должен будешь сразу же применить новые способности, чтобы скрыть свой след. Я создам иллюзию на несколько минут - будто всплеск был остаточным эхом от якоря. Это даст тебе фору.

- Спасибо, - сказал он искренне.

Она лишь кивнула, её бледное лицо в полумраке было похоже на маску. - Удачи. Не становись слишком скучным, Спекулянт. Миру нужны и безумцы.

Она ушла, чтобы занять позицию на чердаке вокзала, откуда могла наблюдать и действовать.

Последние минуты. Клементий вышел из подсобки и смешался с вечерней толпой. Зал ожидания был полон. Мужики в зипунах, бабы с узлами, чиновники в пальто, солдаты - весь срез Архангельской жизни, застывший в ожидании решения своей судьбы, упакованной в билет на поезд. Воздух гудел от низкого галдежа, детского плача, резких окриков носильщиков. Астральное море было бурным, пестрым, полным острых углов надежд и страхов.

Клементий занял место у колонны, откуда видел и зал, и расписание, и большие вокзальные часы. Он поставил перед собой на колени открытую тетрадь, а рядом, на скамье - крышечку с тёмной пастой из крови и пыли. Он закрыл глаза, делая вид, что дремлет, и начал настраиваться.

Он отпустил «Покров Безразличия». Пусть его аура смешается с общей. Он сфокусировался на Сердцевине, вернее, на её астральном отпечатке, который теперь жил в нём. Он почувствовал её готовность, её ожидание команды.

Десять минут. Он начал предварительную визуализацию. Он представлял себе зал не как скопление людей, а как паутину. Каждый человек - узел. От каждого тянутся нити: к месту, откуда он пришёл (прошлое), к поезду (ближайшее будущее), к его целям (далёкое будущее). Нити спутаны, перекручены, рвутся и снова связываются. Хаос.

Пять минут. Он углубился. Теперь он не просто видел паутину. Он видел точки напряжения - места, где нити натягиваются до предела, где вот-вот произойдёт разрыв или соединение. Молодой солдат, сжимающий в руке письмо (разрыв с домом, соединение с фронтом). Купец, нервно пересчитывающий деньги (точка финансового риска). Мать, качивающая ребёнка (точка выбора между отчаянием и надеждой). Он видел их. Чётко.

Одна минута. Кондуктор на перроне поднял руку с фонарём. Раздался первый, протяжный свисток паровоза. Момент выбора. Для десятков людей в зале этот свисток был точкой невозврата. Билет предъявлен или нет, вещи собраны, прощания сказаны. С этого мгновения их судьбы катятся по заранее заданным рельсам.

Сейчас.

Клементий открыл глаза. Второй свисток, резкий, командный. Он схватил крышечку с пастой. Визуализация достигла пика. Он увидел, как все нити судеб в зале рванулись к расписанию, к дверям на перрон - к точке отправления. И он мысленно направил астральный ступок золотой пыли Сердцевины в самый центр этого вихря - в себя.

Он не пытался остановить или изменить эти нити. Он сделал нечто иное. Он стал призмой, стабилизатором. Он пропустил этот вихрь через себя. Хаотичный, рвущийся поток надежд и страхов, проходя через «упорядочивающий фильтр» Сердцевины, выходил не изменённым, но... структурированным. Каждая нить сохраняла свой цвет, своё напряжение, но теперь они не путались. Они текли параллельно, создавая сложный, но гармоничный узор. Он не менял судьбы. Он делал поле вероятностей вокруг каждого человека на мгновение кристально ясным. Солдат вдруг перестал метаться глазами, его пальцы разжали письмо, лицо стало спокойным и решительным. Решение принято. Купец сунул деньги в карман, кивнув сам себе. Риск принят. Мать перестала плакать, крепче прижала ребёнка. Выбор сделан.

В этот миг абсолютной ясности, когда он был центром упорядоченного вихря судеб, Клементий поднёс крышечку ко рту. Он представил, как золотая астральная пыль вплетается в грязную физическую пасту, насыщая её смыслом и силой. И проглотил.

Мир взорвался.

Не физически. Внутри него. Паста не была ни вкусной, ни безвкусной. Она была концепцией, материализовавшейся у него во рту и спускавшейся по горлу как поток жидкого света и тяжести. Боль ударила в виски, в грудь, в каждый нерв. Он услышал не звук, а аккорд - диссонирующий, но подчиняющийся новой, невидимой гармонии. Перед глазами поплыли не образы, а схемы, графы, вероятностные деревья. Он видел не вещи, а отношения между вещами, их возможные развития, точки приложения силы.

Его аура, бывшая до этого сдержанной, вспыхнула. Не ярким пламенем, а сложным, мерцающим мандалоподобным узором, который на секунду отпечатался в астральном плане вокзала. Маяк зажётся.

И почти сразу же он почувствовал, как что-то набрасывается на этот всплеск. Тонкие щупальца сканирования. От «Совета» - ледяные, аналитические. От Груздева (или Уплотнителя) - тяжёлые, давящие. И что-то третье - острое, хищное, пахнущее далёкой сталью и холодным расчётом (патрон Алмазова?). Его нашли.

Но в тот же миг по астральному плану прошла волна. Серебристая, убаюкивающая, несущая образ... не здесь. Образ котлована, якоря, выпускающего остаточную волну стабилизации. Иллюзия Полуночницы сработала. Давящие щупальца на секунду дрогнули, отвлеклись, устремились к ложной цели.

У Клементия было, может, три минуты.

Боль отступала, сменяясь ледящей, ясной пустотой в голове. Не пустотой безумия или тишины. Пустотой чистого расчётливого ума. Эмоции никуда не делись. Они были. Но теперь они были данными, факторами в уравнении. Страх за брата? Фактор риска. Любовь к сестре? Мотивационный ресурс. Его собственный ужас? Переменная, которую можно минимизировать.

Он был Спекулянтом. И его первая спекуляция была на его же собственной жизни.

Он встал. Движения были точными, экономичными. Он видел зал уже не как хаос, а как поле. Он видел узлы безопасности - места, где потоки людей создавали естественный щит от прямого наблюдения. Он видел точки выхода с наименьшей вероятностью столкновения.

Он пошёл. Не бежал. Шёл быстрым, уверенным шагом, вписываясь в потоки пассажиров, как рыба в воду. Его новая способность - Видение Вероятностных Линий - работала на подсознательном уровне, подсказывая: «поверни здесь, замедли шаг, сейчас пройдёт носильщик и заслонит тебя от того окна».

Он вышел с вокзала не через главный вход, а через дверь в багажное отделение, которую в эту минуту открыл, по стечению обстоятельств, зазевавшийся грузчик. Узел удобной возможности.

На улице его ждал колючий ночной холод. Маяк в его груди ещё светился, но уже тускнел, учась скрываться. Он чувствовал, как давящие щупальца, обманутые на секунду, снова начинают метаться, сужая круг. Но круг был велик. У них были только общее направление - район вокзала.

Он знал, куда идти. Не домой. Не к Звягинцеву. К нему. К единственному месту, которое сейчас было вне логики его преследователей. К месту, связанному не с ним-клерком или с ним-Безумцем, а с ним-Спекулянтом.

Он свернул в сеть узких переулков, ведущих к речному порту. К причалам, где стояли не пассажирские пароходы, а рыбацкие баркасы, угольные шаланды, ледакольные буксиры. Место грубой работы, грязи и анонимности. Место, где судьбы не прописаны в билетах, а продаются

за день работы и кружку самогона. Новое поле для игр. И идеальное место, чтобы затеряться и начать строить свою новую сеть.

По пути он миновал тёмный проходной двор. На стене, в луже света от одинокого фонаря, он увидел свежую метку. Не «циферблат без стрелок». Другой знак. Стилизованные весы, одна чаша которых перевешивала, но не сильно. И под ними - цифра, нацарапанная углём: «IV».

Послание было ясным. «Мы видели твой переход. Ты - четвёртый игрок на нашей доске. Игра начинается по-настоящему».

Клементий не остановился. Он стёр знак ладонью, оставив на стене грязное пятно. Пусть думают, что он испугался. Пусть недооценивают.

Он вышел на набережную. Перед ним чернела вода, звенели якорные цепи, пахло рыбой и мазутом. Где-то здесь, среди этого хаоса труда и выживания, ему предстояло найти или создать своё новое убежище. Его старые жизни - клерка и Безумца - остались позади. Теперь он был Спекулянтом Клементием Морошкиным. И у него на руках был самый ценный актив - он сам, его новые способности и знание, что под городом дремлет конец всему, а вокруг бродят хищники, жаждущие его крови или его силы.

С конторы «Столяров, Щеглов и Компания» уволился, сославшись на получение выдуманного наследства от покойного дядюшки, и необходимость ехать оформлять бумаги. За сестру и брата он был спокоен. Он оставил им достаточно денег, и предупредил, что на какое-то время уедет. За них он не боялся.

Впервые за всё время у него появилось нечто большее, чем страх. Появилась стратегия. Он увидел поле. Увидел фигуры. И понял, что теперь может не просто реагировать. Он может делать ставки. Первая ставка была сделана - на его собственное выживание и продвижение. Следующая должна быть на союзников, на ресурсы, на информацию.

Он поглубже закутался в воротник пальто и шагнул вперёд, в чёрную пасть портовой ночи, чувствуя, как в кармане у него тихо поёт тяжёлая, тёплая Сердцевина, а в голове выстраиваются первые, ещё шаткие, но уже безжалостно логичные планы. Первая книга его пути - книга Безумца - была закрыта. Открывалась вторая. Книга Спекулянта. И первая глава в ней только что началась.

Глава 2

Портовая ночь приняла его как своего - запахом тухлой рыбы, мазута и пота. Клементий, теперь Спекулянт, не прятался в тенях, а стал частью ландшафта. Он прошёл мимо груды пустых бочек, сел на ящик у стены покосившегося склада и замер, наблюдая. Его «Покров» сменился на нечто иное - не безразличие, а маскировку под местного. Его новая аура, мерцающая сложным узором, теперь имитировала тусклое, усталое свечение пьяного грузчика. Не идеально, но достаточно для беглого взгляда.

Но главное было не в маскировке. Главное - его новое зрение. Теперь он видел не просто ауры. Он видел сетки взаимодействий.

Перед ним раскинулся ночной причал. Грузчики таскали мешки с углём с шаланды на склад. Надсмотрщик в засаленном тулупе покрикивал на них. У сторожки сидели двое, играли в карты. Казалось, хаос. Но для Клементия это была живая диаграмма. Он видел:

Потоки обмена: Мелкие потоки «ценности» - пачка махорки переходила от одного грузчика к другому в обмен на обещание подменить на смене. Нить-долг, слабая, но существующая.

Узлы напряжения: Сам надсмотрщик - узел страха (боязнь, что работа замедлится) и мелкой власти. Его власть держалась на одном грузчике - здоровенном детине с аурой тупой жестокости, который бил остальных за лишнюю чарку. Это была ось зависимости.

Слабые звенья: Самый молодой грузчик, тщедушный паренёк. Его аура была пропитана страхом и отчаянием. Он был на грани срыва. Критическая точка.

Потенциальные ресурсы: Ящик с бракованными гвоздями в углу (физический ресурс). Знание о тайнике со спиртом в трюме шаланды (информационный ресурс). Лояльность паренька, если ему помочь (человеческий ресурс).

Раньше, как Безумец, он мог бы лишь увидеть эти эмоции и, возможно, усилить страх или панику. Теперь, как Спекулянт, он мог оценить стоимость, риск и потенциальную выгоду от вмешательства. Он мог делать ставки.

Его первая цель была проста: обрести временную, но абсолютную безопасность на этой ночи. Для этого нужно было не просто спрятаться. Нужно было контролировать точку. Идеальной точкой была та самая сторожка. Там было тепло (буржуйка), там была дверь с замком, и оттуда был обзор на причал. Но там сидели двое картёжников.

Он еще постоял в тени, наблюдая за причалом, послушал разговоры, запомнил имена, манеру общения, потом Клементий начал анализировать игру. Он не видел карт, но видел нити вероятности, исходящие от каждого игрока. Один (бородатый) был уверен, его нити были плотными, устойчивыми. Другой (лысый) - нервничал, его нити дрожали, путались. Лысый проигрывал. И боялся. Он должен был бородатому деньги или услугу.

Клементий поднялся и, пошатываясь, будто пьяный, направился к сторожке. Его появление вызвало раздражение. Бородатый даже не взглянул, лысый кинул на него злой, отвлечённый взгляд.

- Шагай, пока не прикладом двинули, - проворчал бородатый.
- Холодно, - простонал Клементий, изображая выпивоху. - Греться пришёл.
- Места нет.

Клементий прислонился к косяку, делая вид, что наблюдает за игрой. Он сфокусировался на лысом. На его ауре был яркий узел страха - боязнь не отдать долг. И ещё один, меньший - боязнь, что сейчас придет проверка (надсмотрщик или кто похуже) и застанет его за игрой в рабочее время.

Спекуляция номер один. Клементий собрал крошечный «капитал» - не свою силу, а ощущение надвигающейся угрозы. Он сгенерировал чувство, близкое к тому, что испытывал сам, когда за ним гнался охотник. Не ярко, не как атаку. Как лёгкий, фоновый озноб, который он

направил по астральной нити, связывающей лысого с идеей «проверки». Он не внушал мысли. Он усиливал уже существующий страх, делая его чуть более реальным, чуть более вероятным.

Лысый вздрогнул, беспокойно оглянулся на дверь. Его рука с картами дрогнула.

- Да хватит оглядываться! Ходи! - рявкнул бородатый.

Лысый сделал неверный ход. Бородатый усмехнулся и положил на стол выигрышную комбинацию.

- Всё, Василич. Должок твой растёт. К утру чтобы был, а то знаешь...

Угроза висела в воздухе. Лысый побледнел. Его страх перед бородатым теперь сравнялся со страхом перед проверкой. Узел напряжения достиг критической точки.

Клементий вступил. Он ковыляюще подошёл ближе и сказал, обращаясь к лысому, но так, чтобы слышал бородатый:

- Эй, дядя, а тебя там в конторе искали. Какой-то начальственный... С бумагами.

Это была чистой воды ложь. Но она приземлилась на удобренную почву его усиленного страха. Лысый вскочил как ошпаренный.

- Где? Кто? - паника в его глазах была настоящей.

- Да ушёл вроде, к причалу номер три, - мутно пробормотал Клементий, делая вид, что едва соображает. - Говорил, вернётся...

Этого было достаточно. Лысый, бросив на стол какие-то монеты (явно меньше долга), выскочил из сторожки и почти побежал в сторону противоположную от «проверки». Он предпочёл временную потерю денег и гнев бородатого немедленной конфронтации с мнимым начальством.

Бородатый проворчал что-то неприятное, собрал деньги и карты. Он остался один. Клементий плюхнулся на освободившийся табурет.

- Дурак, - философски заметил бородатый, глядя в след убежавшему. - Ну а ты что, греться пришёл? Грейся. Только не путайся под ногами.

Цель достигнута. Он внутри. Он легален. Бородатый был нейтрален. Клементий сидел, грея руки у буржуйки, и продолжал наблюдать. Теперь у него была база. Время подумать о следующем шаге.

Он чувствовал, как давление извне - те самые щупальца поиска - постепенно ослабевает. Они потеряли его след у вокзала. Полуночица сделала своё дело. Но он знал - это ненадолго. Они проверят котлован, поймут, что всплеск был не оттуда, и снова начнут поиск, уже зная, что ищут не Безумца, а кого-то нового. Его «маяк» хоть и притушился, но связь с якорем была постоянной. Опытный искатель мог по ней выйти.

Значит, нужна долговременная стратегия. Укрыться в одиночку надолго не получится. Нужны союзники, ресурсы, информация. Нужно строить свою сеть. В оригинальных видениях Онейрокрита он был одним из четырёх силуэтов. Остальные - «Совет Холода», Груздев и третья сторона. Они были могущественны, укоренены. У него же не было ничего. Кроме одного преимущества - он был неизвестной переменной. И у него было знание, которое нужно всем: состояние якоря и Ледяной Камеры. Это был его капитал.

Но торговать им напрямую - самоубийство. Нужно было превратить знание во влияние, в рычаги. Для этого нужно было влиться в игру, стать полезным для кого-то из игроков настолько, чтобы получить защиту, но не настолько, чтобы стать разменной монетой.

Бородатый вдруг прервал его размышления:

- Ты не здешний. Откуда?

Клементий пожал плечами:

- С верфи. Конфликт с мастером. Пришлось уйти.

Ложь была правдоподобной. Верфь была большая, люди часто приходили и уходили.

- Ага, - бородатый недоверчиво хмыкнул, но больше не спрашивал. В порту не любили лишних расспросов. - Работы хочешь? К утру шаланду разгрузать. За харч и пятёрку.

- Думаю, - ответил Клементий. Работа была идеальным прикрытием. Но ему нужно было больше, чем пятёрка.

Он снова включил своё зрение, сканируя бородатого. Тот был больше, чем простой грузчик. Его аура имела дополнительные «отростки» - слабые связи с другими точками в порту. Он был мелким посредником. Мог достать пропуск, уладить конфликт, знал, кому и за что дать на лапу. Он был узлом в паутине портовой неформальной экономики. Идеальный контакт.

Клементию нужно было предложить сделку. Но не деньгами. Чем-то, что было ценно именно здесь. Информацией? Защитой? Он проанализировал «рынок». Главные проблемы здесь: воровство, пьяные драки, внезапные проверки, болезни. Защита... У него не было мускулов. Но была способность видеть намерения. Он мог бы, например, указать бородатому на вора до того, как он что-то стащит. Или предупредить о назревающем конфликте. Это была ценная услуга.

Он решил сделать пробную ставку. Он заметил, как один из грузчиков, тот самый здоровенный детина, над которым трясся надсмотрщик, украдкой положил в карман пачку табаку, явно не свою. Мало того, его аура показывала дальнейшее намерение - сейчас он спровоцирует драку с тем самым тщедушным пареньком, чтобы отвлечь внимание от кражи.

- Эй, хозяин, - тихо сказал Клементий бородатому. - Видишь Гришку-то? Он пачку махорки у Семёныча стырил. И сейчас затеет с Петькой драку, чтоб шум был.

Бородатый нахмурился, внимательно посмотрел. Он не увидел кражи, но увидел, как Гришка начинает похаживать вокруг Петьки, что-то провоцирующе говоря. Схема совпадала.

- А тебе-то откуда известно? - спросил он подозрительно.

- У меня глаз намётан, - уклончиво сказал Клементий. - На верфи такое каждый день. Хочешь - проверь у Семёныча, махорки не хватает.

Бородатый не стал проверять. Он вышел из сторожки и рявкнул:

- Гришка! Отдай махорку и вали на другой торец! И чтобы я тебя тут больше не видел сегодня!

Гришка, застигнутый врасплох, замер. Его план рухнул. Он пробормотал что-то, вытащил пачку из кармана, швырнул её в сторону Семёныча и, зло покосившись, ушёл. Конфликт был исчерпан прежде, чем начался.

Бородатый вернулся в сторожку, сел и долго смотрел на Клементия. В его ауре появился новый оттенок – ещё не доверие, а заинтересованная оценка.

- Метко подметил, - сказал он наконец. - Такие глаза тут нужны. Работу дам. И не только по разгрузке. Будешь тут при мне глаза да уши. Доля с мелких сделок - твоя. Но если накосячишь или язык растреплешь...

- Не накосячу, - коротко ответил Клементий.

Сделка была заключена. Он получил не просто укрытие. Он получил позицию. Мелкую, но свою. Точку опоры в хаотичном мире порта. Отсюда он мог начинать строить дальше: узнавать слухи, налаживать связи, возможно, выйти на контрабандистов или на нелегальных торговцев, которые могли быть связаны с миром восходящих.

Ночь тянулась. Клементий вышел разгрузать шаланду. Физическая работа была тяжёлой, но она помогала заглушить остаточную дрожь в теле после перехода и усталость. Он работал молча, наблюдая, анализируя. Он видел, как Петька, тот самый паренёк, с благодарностью поглядывает на бородатого (и, косвенно, на него). Ещё одна потенциальная нить. Слабая, но верная.

Под утро, когда небо на востоке стало свинцово-серым, он стоял у воды, опираясь на угол пирса. Его тело ныло, но разум был ясен. Первая ночь в новом статусе прошла. Он выжил. Он сделал первую, крошечную ставку - и выиграл койку, прикрытия и союзника местного значения. Это был ничтожный капитал по меркам «Совета» или Груздева. Но это было начало.

Он посмотрел на воду, на отражение первых лучей в нефтяных разводах. Где-то там, в городе, его искали могучие враги. Где-то под землёй пульсировал якорь, связанный с ним тонкой, но неразрывной нитью. Где-то Полуночица и Звягинцев, вероятно, гадали, жив ли он.

Он был жив. И он был больше не пешкой. Он был игроком с одной-единственной фишкой, зажатой в потной ладони. Но у него были глаза, чтобы видеть всю доску. И время, чтобы понять, куда поставить эту фишку, чтобы выиграть не партию, а право играть дальше. Книга Спекулянта была открыта, и первая, самая рискованная ставка - ставка на собственное превращение - была сделана. Теперь предстояло самое сложное: увеличивать капитал.

Глава 3

Утро в порту пришло не со светом, а с гулом. Гудки пароходов, скрежет лебёдок, тяжёлая поступь грузчиков и хриплые крики надсмотрщиков - всё это слилось в непрерывный, оглушительный адский концерт. Для Клементия этот шум стал новым «Покровом». Здесь его странная сосредоточенность и слишком наблюдательный взгляд не выделялись - все были слишком заняты, слишком устали или слишком озлоблены, чтобы вглядываться в очередного временщика.

Бородатый, чьё имя оказалось Федосей Иваныч, был ходячим воплощением портового закона: жёсткий, практичный, с мутными принципами, но чётким пониманием, «что почём». К утру Клементий уже имел работу - не только грузить уголь, а «смотреть за порядком» на своём участке причала. Федосей Иваныч, оценив его «глаз», делегировал ему следить, чтобы не воровали сверх меры, не дрались насмерть и не спали в ущерб работе. За это - отдельная пайка хлеба с салом и право ночевать в углу сторожки.

Это было больше, чем Клементий мог надеяться. Теперь у него была легитимная причина быть здесь, перемещаться, наблюдать. Его новый титул в портовой иерархии был «Федосеев глаз».

Первые дни он потратил не на поиск врагов или союзников среди восходящих, а на картографирование портовой экосистемы. Его способность Спекулянта работала непрерывно, анализируя потоки:

Материальные потоки: Уголь с барж на склады, рыба с траулеров в лавки, контрабандный спирт и табак по тайным тропам, краденое имущество с кораблей.

Людские потоки: Сезонные рабочие, постоянная братва грузчиков, матросы с разных судов, мелкие контрабандисты, агенты полиции и, что было наиболее интересно, нейтральные посредники - люди, которые за скромную мзду могли достать пропуск, справку, уладить дело с полицией. Эти люди были живыми узлами в сети.

Информационные потоки: Слухи о рейдах, сплетни о капитанах, новости с Большой земли, доносившиеся с прибывающими пароходами.

Клементий впитывал всё. Он ещё не делал ставок, лишь копил капитал - знания. Он узнал, что помимо Федосея Иваныча, в порту есть ещё три «хозяина»: Кузьмич (отвечал за лесную пристань), Слепой Архип (контролировал воровство и сбыт краденого) и самая загадочная фигура - «Барин», чьё имя не называли вслух. «Барин» якобы имел связи в городе и решал самые сложные вопросы, но появлялся редко, через доверенных лиц.

Через четыре дня рутинной работы Клементий заметил аномалию. С рыболовного траулера «Северянка» начали сгружать не только рыбу. Среди ящиков с треской мелькнули небольшие, окованные железом сундучки. Их выносили не обычные грузчики, а двое крепких, молчаливых матросов с аурой, отдающей не морской солью, а металлом и дисциплиной. Их нити вероятности были тугими, предсказуемыми, как у солдат. Сундучки погрузили на простую телегу, но сопровождать её отправился не кто-нибудь, а лично один из людей Слепого Архипа - верзила с лицом, избитым в мелкую крошку.

Спекуляция напрашивалась сама собой. Это был нелегальный груз. И, судя по охране, ценный. Клементий проследил за телегой глазами. Она двинулась не в сторону городских складов, а по набережной к старым, полузатопленным докам - месту заброшенному и гиблому.

Любопытство подталкивало его последовать. Но инстинкт Спекулянта кричал: «Слишком рано. Неизвестные переменные. Риск перевешивает потенциальную выгоду». Он подавил импульс. Вместо этого он сделал мысленную пометку: «Траулер «Северянка». Груз в старые доки. Связь: экипаж (военизированный?) → Слепой Архип (сбыт/транспорт) → ? (получатель)».

Вечером того же дня его «нейтралитет» был нарушен. К сторожке подошёл Петька, тот самый тщедушный грузчик. Его глаза были полны страха.

- Федосей Иваныч, - обратился он к бородатому, но взгляд его метнулся к Клементию. - Меня... меня Кузьмич к себе зовёт. Говорит, работа есть. А я... я боюсь.

Федосей Иваныч хмуро нахмурился:

- Кузьмич? На лесной? Чего тебе там?

- Не знаю... Говорит, за тобой долг, Петька. А я ему ничего не должен!

Клементий включил зрение. Страх Петьки был настоящим, но в его ауре была и запутанная нить - слабый, но существующий след взаимодействия с кем-то из людей Кузьмича несколько дней назад. Возможно, мелкая услуга, которая теперь трактовалась как долг.

- Долг? - Федосей Иваныч плюнул. - У Кузьмича все в долгах как в шелках. Разведёт и продаст. Не ходи.

- А если силой придут? - пискнул Петька.

Федосей Иваныч задумался. Конфликт с Кузьмичом из-за какого-то шкета ему был не нужен. Но и терять лицо, отдавая «своего» человека, тоже. Это был узел, требующий решения.

Клементий увидел возможность. Петька был слабым звеном, но благодарным. Помочь ему - значит приобрести верного, хотя и немощного, союзника. А ещё - продемонстрировать Федосею Иванычу свою полезность в решении щекотливых ситуаций.

- Может, сходить, поговорить? - осторожно предложил он. - Узнать, в чём долг-то. Может, отболтаться можно.

Федосей Иваныч посмотрел на него оценивающе.

- Сам-то не боишься? Кузьмич мужик крутой.

- Поговорить - не подражаться, - пожал плечами Клементий. - Да и от твоего лица, Федосей Иваныч, пойду. Вес будет.

Бородатый кивнул, польщённый.

- Ладно. Ступай. Но чтоб без скандала. И Петьку тут не трожьте, покуда не разберётесь.

Так Клементий получил свою первую дипломатическую миссию. Вечером, после смены, он отправился на лесную пристань - царство Кузьмича. Это было иное пространство: пахло смолой и сырым деревом, вокруг лежали штабеля брёвен, а люди были грубее, словно вырублены из того же дерева топором.

Кузьмич оказался низкорослым, жилистым мужиком с хищными глазками и вечной щепкой в зубах. Он сидел в своей конторке - такой же сторожке, но побольше.

- Чего? - буркнул он, увидев незнакомца.

- От Федосея Иваныча, - представился Клементий, держась нейтрально. - Насчёт парнишки Петьки. Слышал, у вас к нему претензия.

- Претензия? - Кузьмич усмехнулся. - Долг, дружок. Он тут в прошлый четверг ворованные гвозди покупал. По дешёвке. А гвозди-то с моего склада были. Значит, соучастник. Или заказчик. Понимаешь?

Это была классическая портовая «разводка». Подставить слабого, а потом заставить работать или платить.

- Понимаю, - кивнул Клементий. - Но Петька парень глупый, на гвозди-то не позарился бы, если б ему не подсунили. Может, тот, кто подсунул, и есть воришка настоящий? А с Петьки что взять? Силы нет, денег нет. Федосей Иваныч им дорожится - работник исправный. Вы ему голову морочите - он Федосею работу портить начнёт. Всем убыток.

Он говорил, не отрицая «вину» Петьки, но смещая акцент на невыгодность конфликта для самого Кузьмича. Спекулянт видел нити: Кузьмичу не нужен Петька. Ему нужно либо мелкое удовлетворение от власти, либо компенсация. Но открытый конфликт с Федосеем из-за ерунды был невыгоден - они работали на смежных территориях, и войны между «хозяевами» вредили бизнесу.

- Так что предлагаешь? - прищурился Кузьмич.

- Петька отработает. Но не у вас - вам он со страху только навредит. Он у Федосея лишнюю смену возьмёт, а Федосей вам ящик гвоздей заводских, неворованных, со скидкой отдаст. Вы - гвозди обратно получили (лучше ворованных), Федосей - лицо сохраняет и работника, Петька - долг отработывает. Все при делах.

Клементий не предлагал денег. Он предлагал обмен активами, где у всех сторон оставалось ощущение выгоды или, по крайней мере, отсутствия потерь. Он сыграл на том, что ценность ящика гвоздей для Кузьмича была выше, чем ценность унижения Петьки.

Кузьмич покрутил щепку в зубах, обдумывая.

- А Федосей согласен на гвозди?

- Согласен, - соврал Клементий, рассчитывая, что Федосей, ради избежания мороки, согласится. - Он ценит спокойствие.

- Ладно, - буркнул Кузьмич. - Гвозди чтобы к завтраму были. И чтоб я этого сопляка больше не видел.

Миссия была выполнена. Клементий вернулся к Федосею. Тот, выслушав, сначала нахмурился из-за ящика гвоздей, но, подумав, махнул рукой:

- Ладно, умно провернул. Мороки меньше. Гвозди я ему со своего запаса отсыплю. Молодец, Клим. - В его голосе впервые прозвучало нечто вроде уважения. - Вижу, ты не только глазастый, но и с башкой дружишь. Оставайся. Надёжному человеку всегда место найдётся.

Это была важная веха. Клементий перешёл из категории «полезный временщик» в категорию «надёжный человек». Его капитал - доверие и репутация - начал расти.

Ночью, лёжа на своём тюфяке в углу, Клементий анализировал день. Он предотвратил мелкий конфликт, укрепил свои позиции. Но главное - он провёл разведку боем в лагере другого «хозяина». Узнал его методы, его слабости (жадность, нежелание открытого конфликта из-за мелочей). Эта информация могла пригодиться.

Он также думал о том загадочном грузе с «Северянки». На следующее утро, выполняя свои обязанности, он ненавязчиво поинтересовался у старых грузчиков:

- Траулер-то «Северянка» чей? Раньше не видать было.

- Да это... - один из стариков понизил голос. - Говорят, новые хозяева. Не наши. С «верхов» пришли. Рыбу ловят, да не только рыбу, поговаривают. У них и народ какой-то особый - не пьют, не буянят. И грузы странные возят.

«С верхов». Из столицы что ли? И «народ особый»... Возможно, частная охрана. А может... люди, связанные с третьей стороной, с патроном Алмазова? Груз в старые доки... Туда можно было подойти с воды незаметно. Идеальное место для временного склада или перепалки.

У Клементия возникла гипотеза. Что если «Барин», таинственный портовый авторитет, и есть связующее звено между портом и той самой третьей стороной? Через порт шли грузы Груздева (образцы). Через порт могла идти контрабанда для «Совета Холода» (редкие реагенты). И через порт же эта третья сторона могла ввозить своё оборудование или вывозить что-то из Ледяной Камеры.

Порт был не просто укрытием. Он был ключом к пониманию всей подпольной экономики Архангельска, связанной с миром восходящих. И он, Клементий, случайно или по воле судьбы, оказался в самом его сердце.

Теперь его задача усложнялась. Нужно было не просто выживать. Нужно было:

1. Укрепить своё положение у Федосея, стать незаменимым.

2. Аккуратно исследовать связи «Северянки», Слепого Архипа и «Барина», не привлекая внимания.

3. Установить контакт с Полуночницей и Звягинцевым, чтобы обменяться информацией и предупредить, что он жив. Но сделать это так, чтобы не вывести врагов на них.

Он заснул с чётким планом на завтра. Первым делом - найти в порту «почтовый ящик». Место, где оставляли сообщения матросы для своих семей, а мелкие контрабандисты - для покупателей. Анонимное, но известное посвящённым. Если Полуночица ищет его, она могла бы догадаться оставить знак там. И если он оставит свой - она сможет его найти.

Игра в порту только начиналась. Но теперь у Клементия была не только способность видеть нити, но и первая, крошечная власть - власть человека, которого слушают, которому доверяют мелкие, но важные дела. Это была власть Спекулянта, который начал с самой мелкой ставки и уже подсчитывал первые, скромные дивиденды.

Глава 4

Портовая «почта» оказалась не ящиком, а трещиной. Глубокая расщелина в каменной кладке старого волнореза, куда можно было сунуть свёрнутый в трубочку листок. Место было открыто всем ветрам и глазам, что делало его идеальным - здесь не было смысла подслушивать или подсматривать, любое необычное поведение было бы сразу заметно. Сообщения оставляли на рассвете, а забирали на закате, когда свет скользил по камням под нужным углом, подсвечивая белёсую бумагу в глубине.

Клементий нашёл её на пятый день своей новой жизни. Он шёл вдоль волнореза, якобы проверяя, не отвязались ли рыбацьи баркасы, и его взгляд Спекулянта выхватил слабую астральную зарубку на краю трещины - не магическую, а скорее «отметку внимания», тонкий след того, что кто-то с необычным восприятием часто смотрел в это место.

На следующее утро, перед сменой, он сунул в трещину свой «сигнал». Это была не записка, а предмет. Медный пятак с просверленной дыркой - самая простая форма глаза, намёк на его медальон. Он завёрнул его в обрывок газеты с сегодняшней датой. И написал адрес Полуночницы. Если Полуночница ищет его, она узнает этот знак. И поймёт, что он жив и на воле.

Теперь нужно было ждать и работать.

Работа у Федосея обретала новые грани. Клементий не просто «смотрел». Он начал оптимизировать. Используя своё видение вероятностных линий, он мог предсказать, где возникнет затор при разгрузке, кто из грузчиков вот-вот сорвётся от усталости, где пачка табака сменит хозяина раньше, чем её успеют украсть. Он не выдавал прогнозы прямо, а подсказывал Федосею: «Дядя Федосей, тут на втором причале лебёдка скрипит подозрительно, глянь, а то бревно на голову свалится», или «Петьке бы передышку дать, а то упадёт и ящик разобьёт». Предсказания сбывались с пугающей точностью. Его авторитет рос не по дням, а по часам.

Федосей начал советоваться с ним по более серьёзным вопросам: стоит ли вкладываться в партию краденого сахара с севшего на мель парохода? Как уладить спор двух артелей из-за участка причала? Клементий всегда предлагал вариант, где выигрыш был не максимальным, но наиболее вероятным и наименее рискованным. Он учился спекулировать не только возможностями, но и рисками, продавая другим иллюзию контроля над хаосом.

Он также завёл знакомства. Не дружбу - в порту дружбы не водилось. Но полезные связи. Со старым боцманом «Северянки», который, оказалось, любил поболтать за чаркой (Клементий подносил, но не пил сам, сославшись на больную печень). От него он узнал, что судно формально принадлежит архангельской конторе, но капитан получает приказы не из конторы, а от «приставленных господ». И что «особые грузы» всегда сопровождает «молодой барин» - нервный тип в очках, который панически боится воды.

Со Слепым Архипом контакт был иным. Клементий однажды «случайно» нашёл на своём участке небольшой тюк с голландским сукном, явно упавший с чужой телеги. Он не стал присваивать и не понёс Федосею. Он лично отнёс тюк Архипу. Тот, прищурился свой единственный глаз (второй был бельмом), долго молча смотрел на него.

- Чего хочешь? - спросил наконец.

- Ничего. Чужого не надо. И мороки тоже, - ответил Клементий. - Просто чтобы знали - я тут не ворую и другим не даю. Спокойствие дороже тряпки.

Архип кивнул, и в его астральном поле на секунду дрогнула стена всеобщего недоверия. Это было не доверие, а метка: «Этот - не наш, но и не враг. Можно иметь дело».

Так, по крупицам, Клементий строил свою информационную сеть. Он был как паук в центре паутины, чувствующий малейшие колебания. И вскоре паутина дрогнула.

Через три дня после того, как он оставил пятак в трещине, он получил ответ. Не в трещине. На своём туюфяке в сторожке, под свернутым одеялом, он нашёл кусочек бересты. На нём был выжжен не текст, а схема - упрощённый план порта с двумя отметками: одна у старого дока (рядом с ним стилизованная волна), вторая - у склада лесной пристани Кузьмича (рядом дерево). Между ними пунктирная линия. И подпись - полумесяц. Полуночица.

Она нашла его. И передала информацию: есть связь между загадочным грузом у старого дока (волна) и деятельностью Кузьмича (дерево). Пунктир - возможно, маршрут, возможно, зависимость. Нужно было проверить.

Но прежде, чем Клементий успел что-то предпринять, в порту случилось ЧП.

Нашли мертвеца. Не бомжа, не забитого в пьяной драке грузчика. Мертвеца нашли в трюме той самой «Северянки». И это был не матрос. Это был человек в хорошем, хоть и порванном теперь, костюме. Молодой. В очках. Тот самый «молодой барин», который боялся воды, по описанию боцмана.

Весть облетела порт со скоростью лесного пожара. Прибыла полиция, потом какие-то штатские с властными лицами. «Северянку» оцепили. Народ судачил: «Дознание!», «Контрабандистов прихватили!», «Да нет, свои же между собой чего-то поделили!»

Клементий, как и все, делал вид, что занят работой, но его зрение Спекулянта было приковано к месту событий. Он видел, как астральное поле вокруг траулера клубилось не просто страхом и любопытством, а чем-то более резким - паникой с примесью вины. Это исходило не от всей команды, а от нескольких человек. От капитана, от двух тех самых «особых» матросов... и, что было удивительно, слабый, но отчётливый шлейф тянулся отсюда, через весь порт, к складам Кузьмича.

Связь подтвердилась. Убийство (а это явно было убийство) «молодого барина» было как-то связано и с «Северянкой», и с лесной пристанью.

Федосей Иванович, наблюдая за суматохой, мрачно заметил:

- Ну всё, теперь до конца недели каждый городской будет с нас три шкуры драть. И «Барин», глядишь, шевелиться начнёт. Не любит он шума.

«Барин». Мысль Клементия работала быстро. Убийство на судне, связанном с загадочными грузами. Связь с Кузьмичом. «Барин» как высший арбитр портового мира. Что, если «молодой барин» был не просто приказчиком, а агентом «Барина»? Или, может, наоборот - он что-то делал за его спиной? Убийство могло быть и следствием ссоры, и санитарной чисткой.

Клементий решил, что настало время для более активной разведки. Но делать это самому было безумием. Нужно было использовать ресурсы. У него появился верный, хоть и слабый, ресурс - Петька. Благодарный паренёк уже несколько раз предлагал помочь «чем угодно». Петька был невидимкой, его не замечали. И он боялся Кузьмича как огня, а значит, был мотивирован узнать что-то, что могло бы дать ему защиту.

Вечером, в сторожке, когда Федосей ушёл «по делам», Клементий подозвал Петьку.

- Слушай, Петька. Ты на лесной пристани бываешь?

Тот испуганно замотал головой:

- Нет! Ни ногой!

- А просто пройти мимо, посмотреть - не страшно? Тебе нужно кое-что разузнать. - Клементий опустил голос. - Видишь, какая история с «Северянкой». Мне кажется, Кузьмич к этому как-то причастен. Если мы узнаем как, у нас будет... козырь. Чтобы он тебя больше не трогал. И Федосею Ивановичу спокойнее будет.

Петька колебался, но страх перед Клементиём (который его фактически спас) и желание обрести безопасность перевесили.

- Что... что смотреть?

- Грузы. Что к Кузьмичу на склад привозят, особенно сегодня-завтра. Особенно если не лес. И кто привозит. Запомнишь? Расскажешь.

Петька кивнул, смертельно бледный, но решительный. Он стал первым агентом зарождающейся сети Клементия.

На следующий день, пока Клементий занимался своими делами, держа в уме тройную связь («Северянка» - убийство - Кузьмич - «Барин»), его ждал ещё один сюрприз. На причал, где он работал, пришёл незнакомец. Не грузчик, не матрос. Человек в добротном, но неброском пальто, с тростью. Его аура была... скрытной. Не враждебной, а профессионально закрытой, как у дипломата или шпиона. Он подошёл прямо к Федосею Иванычу и о чём-то с ним коротко поговорил. Федосей, обычно такой уверенный, слушал почти подобострастно, кивал. Затем незнакомец обвёл взглядом причал, и его взгляд на секунду задержался на Клементии. Не пристально. Скорее, метяще. Как будто ставил галочку в невидимом списке. Потом кивнул Федосею и ушёл.

- Кто это? - как бы невзначай спросил Клементий у Федосея, когда тот вернулся.

- Посыльный, - коротко бросил Федосей, но его аура выдавала беспокойство. - От Барина. Спрашивал про народ, про порядки. Про «происшествие» на траулере.

Посыльный от Барина. Значит, «Барин» действительно зашевелился. И он интересуется не только убийством, но и людьми на причалах. И отметил Клементия.

Это было и тревожно, и потенциально полезно. Внимание такого уровня - это риск, но и возможность. Если «Барин» и правда был связан с миром восходящих (или даже главой третьей стороны), то попасть в его поле зрения могло быть билетом на следующий уровень игры. Опасным билетом, сродни прыжку в клетку к тигру, но билетом.

Вечером вернулся Петька, перепуганный до полусмерти, но с глазами, полными важности.

- Клим! Я видел! К Кузьмичу сегодня под вечер привезли... не знаю что. Ящики небольшие, железом окованные. Как те, что с «Северянки» тогда! И везли их не его люди, а... те самые двое, что с траулера груз таскали! Те, что молчаливые! Они с Кузьмичем о чём-то говорили, потом ушли. А ящики остались.

Информация была взрывоопасной. Значит, связь прямая. Груз с «Северянки» шёл Кузьмичу. А теперь на «Северянке» убили человека, возможно, связанного с этим грузом. И «Барин» проявляет интерес.

- Молодец, Петька, - похвалил Клементий, и парень засиял. - Теперь сиди тихо и никому ни слова.

Клементий лёг спать, но не спал. В голове выстраивалась картина. Предположим: «Барин» (третья сторона) использует порт для своих операций. «Северянка» - его судно. «Молодой барин» - его агент на судне. Кузьмич - его человек в порту, отвечающий за приём и перевалку «особых грузов» (возможно, артефактов, компонентов, образцов из Ледяной Камеры или для неё). Что-то пошло не так. Возможно, «молодой барин» решил украсть часть груза или действовал вразрез с приказами. Его устранили. Теперь «Барин» проводит ревизию, проверяет своих людей (отсюда посыльный) и, вероятно, будет искать утечки.

Именно в этот момент в трещину волнореза кто-то снова сунул берестяной свиток. Клементий обнаружил его на следующее утро. На нём была лишь одна фраза, выжженная тем же почерком Полуночницы: «Кузьмич болен. Ищет лекаря. Вечер. Склад №3.»

Это было приглашение. Или ловушка. «Болен» - возможно, код. «Ищет лекаря» - может, нужен специалист по необычным проблемам (отравление, проклятие, следы магии?). «Вечер. Склад №3» - место и время.

Клементий сжал бересту в кулаке. Это был шанс. Шанс проникнуть в самое сердце операции Кузьмича, а возможно, и ближе к «Барину». Но риск был колоссальным. Он мог выдать себя. Его могли убить как свидетеля.

Он посмотрел на свою ладонь, где уже не было мозолей писца, но появились новые - от канатов и строп. Он был Спекулянтом. Его дело - оценивать риски и делать ставки. Ставка на

встречу с Кузьмичем под предлогом «лечения» была высокой. Но потенциальный выигрыш - информация, связи, возможно, рычаг влияния - был ещё выше.

Он принял решение. Он пойдёт. Но не с пустыми руками. Ему нужен был «медикамент». Настоящий или убедительная подделка. И ему нужен был план отхода. Он вспомнил о Слепом Архипе и его людях, которые видели, как груз с «Северянки» шёл к Кузьмичу. Возможно, у Архипа тоже были вопросы к конкуренту. Возможно, с ним тоже можно было сыграть.

Перед ним разворачивалась сложная, многоходовая партия. Убийство на траулере было лишь первым ходом в новой игре внутри игры. И он, Клементий Морошкин, бывший клерк, бывший Безумец, а ныне Спекулянт, должен был сделать свой ответный ход. Пора было перестать наблюдать со стороны. Пора было вступить в торг. И первым товаром на этом торге могла стать его собственная способность решать «необычные» проблемы. Проблемы, которые обычные лекари вылечить не могли.

Глава 5

Перед встречей с Кузьмичем нужно было подготовить «лекарство». Клементий понимал: если речь о болезни, вызванной взаимодействием с артефактами или последствиями ритуалов, то ему нужен не отвар из трав, а нечто, воздействующее на астральное тело. Но прямое использование его силы было опасно - он мог выдать себя как восходящего. Нужен был артефакт-посредник, либо убедительная подделка.

Он вспомнил о пыли этого места, собранной в подсобке угольщиков на вокзале. Она уже была частью рецепта его перехода - несла в себе отпечаток перекрестка судеб, момента выбора. Эта пыль, смешанная с чем-то, что символизировало «очищение», могла сойти за средство от астральных «загрязнений». В портовой аптеке, больше похожей на лавку алхимика, он за пару медяков купил пакетик морской соли (символ очищения и сохранения) и флакон деревянного масла (олифа, используемая для защиты дерева от гниения - метафора сохранения целостности).

В пустой консервной банке он смешал щепотку вокзальной пыли, соль и несколько капель масла. Получилась серая, зернистая паста с резким запахом. Физически она была бесполезна. Но Клементий спроецировал на неё простейшую астральную схему - идею стабилизации и отсечения чужеродного. Не заклинание, а скорее внушение, вложенное в материальный носитель. Если у Кузьмича действительно были проблемы на астральном уровне, это могло вызвать кратковременное облегчение - эффект плацебо, усиленный волей Спекулянта. Этого должно было хватить для доверия.

Следующий шаг - план отхода. Он отыскал Слепого Архипа. Тот сидел в своей конторе - тёмной камерке, заваленной краденым добром, - и чистил картофель единственным глазом, казалось, видящим больше двух.

- Опять ты, - хрипло произнёс Архип, не глядя. - Опять мир несешь?

- Информацию, - поправил Клементий. - Бесплатную. Знаешь, что на «Северянке» убийство было?

Архип замер, картофелина в его руке перестала вращаться.

- Весь порт знает.

- А знаешь, что груз с «Северянки» - те самые железные ящики - идёт к Кузьмичу? И что сегодня вечером у него на складе номер три будет... встреча? По поводу его здоровья.

Архип медленно опустил картошку. Его единственный глаз уставился на Клементия с ледяной неподвижностью.

- К чему ты клонишь?

- К тому, что Кузьмич вляпался во что-то грязное. И, возможно, за это сейчас разбирается с последствиями. Если он упадёт, его долю поделят. Или один кто-то попытается её забрать. Тому, кто знает детали, будет проще претендовать. Или торговать этими знаниями.

- Ты предлагаешь мне на него донести? - в голосе Архипа зазвучала опасная нота.

- Нет. Я предлагаю тебе подстраховаться. Я иду на эту встречу. Если я не вернусь к утру - значит, Кузьмич решил проблему радикально. И, возможно, следующим будет искать, кто ещё знает про его связи с «Северянкой». А если я вернусь - у меня будет информация, которая может быть полезна... взаимовыгодному урегулированию.

Архип долго молчал, его мозг, отточенный годами подпольных интриг, взвешивал варианты.

- Что ты хочешь?

- Если меня не будет к рассвету, отправь кого-нибудь к Федосею Иванычу. Скажи, что меня видели уходящим к складу №3. Больше ничего. Федосей поднимет шум, и Кузьмичу

придётся объясняться. Это меня, может, и не спасёт, но ему создаст проблему. А ты будешь в стороне.

- А если вернёшься?

- Тогда я приду к тебе и расскажу, что там было. И мы решим, как эту информацию использовать. Ты получишь рычаг на Кузьмича. Я - возможность двигаться дальше.

- Двигаться куда? - прищурился Архип.

- К «Барину», - честно сказал Клементий. - Я думаю, он - следующий уровень. И я хочу до него добраться.

Архип фыркнул, но в его астральном поле Клементий уловил всплеск уважения смешанного со страхом.

- Чокнутый. Ладно. Договорились. К утру ждать буду. Только смотри... если ты меня подставишь, тебя найдут даже на дне бухты. Со связанными руками и камнем на шее.

- Понял, - кивнул Клементий.

Страховка была готова. Теперь - к основной ставке.

Склад №3 находился на самой окраине лесной пристани, в стороне от основных потоков. Это было длинное, низкое здание из почерневших от времени брёвен, с заколоченными окнами и огромным амбарным замком на двери. К вечеру здесь было пустынно, только ветер гулял между штабелей неокорённого леса, пахнущего смолой и сыростью.

Клементий пришёл за полчаса до назначенного времени. Он осмотрелся глазами Спекулянта. Место было астрально грязным - не в смысле зловредной магии, а в смысле накопленных эмоций: страх, алчность, боль. Здесь часто происходили «разборки». Но сейчас он не видел признаков засады. Только одну активную нить - тонкую, нервную, которая тянулась изнутри склада. Кузьмич был там один. И он был напуган.

Ровно в сумерки, когда последний багровый отблеск солнца утонул в свинцовых водах залива, дверь склада скрипнула и приоткрылась. Из щели показалось бледное, осунувшееся лицо Кузьмича. Его хищные глазки были запавшими, а щёпа в углу рта дрожала.

- Ты... лекарь? - прошептал он.

- Меня прислали, - уклончиво ответил Клементий.

- Заходи. Быстро.

Внутри пахло пылью, древесной трухой и чем-то ещё - сладковатым, лекарственным запахом, смешанным с металлическим оттенком крови. Склад был забит ящиками, бочками, рулонами толи. В центре, на ящике, стояла керосиновая лампа, отбрасывающая прыгающие тени. Кузьмич отступил в круг света, и Клементий увидел, в чём дело.

Левая рука Кузьмича от запястья до локтя была забинтована грязными тряпками. Но не это было страшно. Страшна была аура вокруг руки. Она пульсировала грязно-зелёным светом, и от неё отходили тонкие, ядовито-алые нити, которые впивались в тело Кузьмича, медленно расплываясь к сердцу. Это была астральная инфекция, порча. И она была живой, мыслящей в своём примитивном, паразитическом ключе.

- Что случилось? - спросил Клементий, сохраняя спокойный, профессиональный тон.

- Ящик... один из тех чёртовых ящиков с «Северянки», - заговорил Кузьмич, и слова вырывались из него судорожно. - Приказано было вскрыть, переложить в другую тару. Я сам... люблю посмотреть, что везешь. Открыл... а там... там оно лежало. Камень, но не камень. Мозг, но не мозг. Тёплое. И оно... посмотрело на меня. Изнутри. А потом... - он кивнул на руку, - ...прыгнуло. Как угорь. В руку впилось. И сидит. Грызёт. И сны... сны мне снятся, не свои. Чужие. Страшные.

Клементий почувствовал холодок вдоль позвоночника. Описание напоминало астрального паразита или недосформированное эхо сущности, возможно, связанное с экспериментами третьей стороны. Эта штука питалась жизненной силой и психикой Кузьмича, медленно замещающая его волю своей.

- Покажи рану, - приказал он.

Кузьмич, дрожа, стал разматывать тряпки. Под ними не было крови или гноя. Кожа была цела, но прозрачная, как мокрый пергамент, и под ней пульсировало, переливаясь, то самое зеленоватое существо, принявшее форму длинного червя, впившегося головой в вену. На месте «головы» виднелось подобие глазной щели, которая при свете лампы сузилась, будто вглядываясь в Клементия.

Спекулянт включил своё зрение на полную. Он увидел не просто паразита. Он увидел сеть. Нити инфекции, внедрившиеся в Кузьмича, были одновременно и щупальцами, и каналами связи. И они вели не только вглубь его тела. Одна, самая толстая нить, уходила сквозь стены склада, на восток - туда, где, как знал Клементий, находились владения «Барина». Это был не просто паразит. Это был инструмент наблюдения. Возможно, «Барин» таким образом контролировал своих подчинённых. А возможно, это была автономная сущность, которая теперь доносила о каждом, кто приближался к заражённому.

- Это серьёзно, - тихо сказал Клементий. - Это не болезнь в обычном смысле. Это... нечто, что прицепилось к твоей душе.

- Избавь! - взмолился Кузьмич, и в его голосе прозвучал животный ужас. - Деньги дам! Что угодно!

- Я попробую, - сказал Клементий. - Но это будет больно. И тебе нужно будет полностью довериться. Любое сопротивление - и оно уйдёт глубже, к сердцу. Понял?

Кузьмич кивнул, закусив губу до крови.

Клементий поставил на ящик банку с приготовленной пастой. Его ум работал на пределе. Физически удалить паразита было невозможно - он был частью астрального тела. Нужно было заставить его отцепиться. Как? Его сила как Безумца могла внести хаос в его структуру. Но сейчас он был Спекулянтом. Его сила - в видении связей и манипулировании вероятностями. Он увидел главное: паразит держался за счёт нескольких ключевых узлов привязки в ауре Кузьмича. Это были точки максимального страха, жадности, алчности - темные эмоции, которыми он питался. Если ослабить эти узлы, паразит потеряет опору.

Но просто убрать страх нельзя. Можно... перевести энергию. Сделать так, чтобы эмоция, питающая паразита, вдруг стала ему неудобоваримой. Испортить ему «пищу».

- Закрой глаза, - сказал Клементий. - И вспомни момент, когда ты открывал ящик. Не страх. Вспомни любопытство. Азарт. Желание узнать, что внутри, получить преимущество. Сосредоточься на этом.

Кузьмич, удивлённый, подчинился. Его аура дрогнула. Зелёные нити, питавшиеся страхом, на секунду ослабели. Паразит шевельнулся, будто недовольный.

Затем Клементий взял банку, зачерпнул пасту и нанёс её на кожу над паразитом. Он не ожидал физического эффекта. Он использовал пасту как фокус, проводник для своей воли. Через неё он проецировал в астральное поле Кузьмича концепцию, заложенную в пыли и соли: «Это - место перехода. Здесь ты делаешь выбор. Отпусти чужое, сохрани своё».

Одновременно он усиливал в Кузьмиче осознание выгоды от избавления. Не просто «мне страшно», а «если я избавлюсь, я смогу снова торговать, контролировать, владеть». Он подменял энергию страха энергией расчёта. Для паразита, питавшегося низкими эмоциями, это была словно пища, вдруг ставшая безвкусной, пресной.

Паразит зашевелился сильнее. Его зеленое свечение стало неровным. Глазная щель металась, будто в поисках нового источника питания. Клементий увидел, как один из ключевых узлов привязки - основанный на страхе перед болью - ослаб. Он усилил давление, вкладывая в свой мысленный приказ всю силу воли Спекулянта, привыкшего видеть вероятности и выбирать среди них нужную: «Вероятность твоего отсоединения сейчас - самая высокая. Это - оптимальный исход. Исполни его».

Это была не команда, а подсветка наиболее выгодного для сущности пути. И паразит, существо, движимое инстинктом, откликнулся. Он дёрнулся, и его «голова» начала медленно выходить из вены Кузьмича. Тот застонал, но не от боли - от странного чувства освобождения.

- Почти, - прошептал Клементий. - Теперь представь, что ты уже здоров. Что ты стоишь перед «Барин» и отчитываешься об успешно выполненной задаче. Что он доволен. Что твоя доля увеличивается.

Он играл на самой сильной струне Кузьмича - жадности. Астральная инфекция, лишённая привычного страха, теперь столкнулась с мощным, чуждым ей потоком алчности, направленным в будущее. Это было, как поднести соль к пивке.

Паразит выскользнул. Не физически - его тело было астральным. Он вышел из плоти Кузьмича как зелёный, сияющий слизняк и упал на грязный пол. Клементий мгновенно накрыл его пустой банкой, которую заранее приготовил. Сущность билась о жёсть, издавая неслышимый визг.

Рука Кузьмича пошла синими пятнами, затем постепенно стала возвращаться к нормальному цвету. Прозрачность исчезала. Он тяжело дышал, обливаясь потом, но в его глазах появилась жизнь.

- Ушло... - прошептал он с невероятным облегчением. - Чёрт, ушло...

- Не совсем, - строго сказал Клементий, указывая на банку, где металась зелёная тварь. - Оно здесь. И оно ещё живо. И, возможно, связано с тем, кто его прислал.

Кузьмич поблел снова.

- «Барин»... Это его штука. Для контроля... или наказания.

- Почему ты так думаешь?

- Потому что я... я попытался утаить часть груза с «Северянки». Маленькую часть. Думал, не заметят. А «молодой барин» - тот, что убит - он, наверное, тоже в этом участвовал. Или донёс. Не знаю. Но после его смерти... это появилось.

В голове Клементия сложился пазл. Кузьмич и агент на судне решили украсть у «Барина». Кто-то донёс (возможно, через другого агента). Агента убили как урок. А Кузьмича «пометили» паразитом - либо для последующей ликвидации, либо для превращения в полностью подконтрольного раба. Встреча «лекаря» была, возможно, последним шансом, который дал сам «Барин», чтобы посмотреть, кто придёт на помощь предателю. И Клементий только что влез в эту ловушку.

Он почувствовал, как по его спине побежали мурашки. Его глаза метнулись к той самой толстой нити, что уходила из паразита на восток. Она пульсировала, передавая информацию. Он был насквозь виден.

- Нас сейчас могут прийти проверить, - быстро сказал он Кузьмичу. - Что ты скажешь?

Кузьмич испуганно заморгал. Его природная хитрость боролась со страхом.

- Скажу... что ты шарлатан, попытался что-то сделать, но не получилось. И я тебя прогнал.

- Не прокатит. Он знает, что паразит вышел. - Клементий посмотрел на банку. Нужно было решать, что с ней делать. Уничтожить? Но тогда «Барин» точно поймёт, что здесь был кто-то способный на такое. Оставить? Но это опасно. - Слушай, у тебя есть свинец?

- Свинец? Есть... грузила для сетей.

- Принеси. Быстро.

Пока Кузьмич копался в углу, Клементий думал. Свинец - традиционный материал для экранирования магических воздействий и астральных связей. Если поместить паразита в свинцовую коробочку, связь может прерваться или исказиться. Это даст время.

Кузьмич принёс несколько тяжелых свинцовых грузил и старую жестяную коробку из-под чая. Клементий, не прикасаясь голыми руками, сгреб паразита вместе с банкой в коробку, сверху засыпал грузилами и захлопнул крышку. Тотчас же нить связи из коробки стала туск-

нет, дробиться, превратилась в беспорядочное мерцание. Полной изоляции не было, но ясный сигнал пропал.

- Хорошо, - выдохнул Клементий. - Теперь слушай план. Ты болен. Ты отчаянно искал лекаря. К тебе пришёл незнакомец, взял денег авансом, намазал тебя какой-то дрянью, а потом, сбежал, прихватив твой «сувенир» в банке. Ты его не видел, в темноте лицо не разглядел. Голос хриплый. Понятно?

- Понятно... - Кузьмич кивал, цепляясь за эту версию как за спасательный круг. - А коробку?

- Я её заберу. Она теперь - мой козырь. И твоя страховка. Пока она у меня, и ты жив, «Барин» будет гадать, что произошло. И, возможно, не станет тебя добивать сразу. Ты для него теперь - непредсказуемая переменная. А таких либо быстро убирают, либо стараются использовать. Будем надеяться на второе.

Клементий поднял коробку. Она была тяжелой, холодной. Внутри, за свинцом, билось нечто, что могло стать ключом к пониманию методов «Барина», а могло - и билетом на тот свет.

- Теперь о плате, - сказал он, глядя на Кузьмича. - Я спас тебя, возможно, лишь отсрочив конец. Мне нужна не просто благодарность. Мне нужен доступ. К следующей партии грузов с «Северянки». К расписанию. К любым сведениям о «Барине» и его людях. Ты будешь моими глазами и ушами здесь, на лесной пристани.

Кузьмич колебался, но взгляд на свою здоровую, хоть и слабую, руку решил дело.

- Ладно. Договорились. Но осторожно... он везде имеет глаза.

- Это я уже понял, - сухо ответил Клементий, взглянув на коробку. - Жди моих указаний. И старайся не делать глупостей.

Он вышел из склада в полную тьму. Ночь была беззвёздной, ветер крепчал, неся с моря ледяную изморось. Коробка тяготила руку. Он чувствовал сквозь свинец слабую, но назойливую вибрацию - попытки паразита связаться с хозяином.

Он не пошёл к сторожке Федосея. Он отправился к волнорезу, к «почтовой трещине». Там, в крошечной тьме, он достал бересту и гвоздём нацарапал на обороте: «Пациент жив. Лекарство тяжёлое. Нужна консультация специалиста по редким инфекциям. Завтра. Полдень. Рыбные ряды.» Он сунул бересту в трещину. Полуночица должна понять: дело серьёзное, нужна встреча, и место должно быть людное, чтобы затруднить слежку.

Затем он направился к Архипу. Тот ждал, сидя в темноте без огня.

- Вернулся, значит, - произнёс он. - Не прикончили.

- Пока нет, - Клементий поставил коробку на стол. - У меня для тебя подарок. История. Слушай.

Он вкратце рассказал о паразите, о связи с «Баринном», о версии с кражей. Архип слушал молча, его лицо в темноте было неразличимо.

- Значит, Кузьмич на крючке. И у тебя в коробке - улика против «Барина».

- Не улика. Инструмент. И гарантия. Пока это у меня, Кузьмич будет со мной сотрудничать. А у тебя появился рычаг на него - ты знаешь его тайну. Можешь давить, можешь предложить союз против общего врага, если «Барин» решит зачищать всех причастных.

- А тебе-то что с этого? - спросил Архип.

- Мне нужна дорога к «Барину». Не как к жертве, а как к партнёру. Или, на худой конец, как к источнику информации. Я думаю, он знает, что происходит под городом. Знает про Ледяную Камеру. И у него есть ресурсы, которые мне нужны для... дальнейшего развития.

- Ты совсем рехнулся, - беззлобно констатировал Архип. - Ладно. Держись своего курса. Я пока наблюдаю. И... спасибо за информацию. О Кузьмиче. Это может пригодиться.

Клементий кивнул, взял коробку и ушёл. Ему нужно было надёжно спрятать её. Не в сторожке. Не у Архипа. Он вспомнил про старые доки, куда свозили груз с «Северянки». Место

зброшенное, но, возможно, именно поэтому за ним могут наблюдать. Нет. Нужно место, не связанное ни с ним, ни с портом напрямую.

Он вышел за пределы порта, в промозглый пустырь, где ржавели остатки какой-то техники и валялись горы битого кирпича. Нашёл полуразрушенный погреб, заваленный мусором. Спрятал коробку под грудой шлака, пометив место особым узлом из трёх камней, видимым только его зрению Спекулянта.

Возвращаясь к сторожке, он чувствовал усталость, но также и прилив холодной ясности. Он только что провёл сложнейшую о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.